

Научная статья
УДК 82-312.6
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-1-19-53
EDN IRRJMN

Образ барона Унгерна в романе Александра Фадеева «Разгром»

Борис Вадимович Соколов

Доктор филологических наук, кандидат исторических наук, научный консультант издательства «Вече», г. Москва
bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Аннотация. В статье исследуется образ офицера в черной бурке в романе А. А. Фадеева «Разгром». Доказывается, что один из предводителей контрреволюции на Дальнем Востоке барон Р. Ф. Унгерн не только является прототипом этого персонажа, который дан только глазами красных, но и на самом деле действует в романе как неузнанный красными партизанами барон Унгерн. Также отмечается полемический характер сцены допроса офицером в бурке партизана Метелицы по отношению к сцене допроса маршалом Даву Пьера Безухова в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого. Фадеев, в отличие от Толстого, не допускал возможности установления человеческих отношений между врагами, поэтому Метелица пытается убить допрашивающего его офицера. В статье также анализируется, как отразился офицер в бурке в двух советских экранизациях «Разгрома» – в немом фильме «Разгром» (1931) и в фильме «Юность наших отцов» (1958). Доказывается, что в фильме «Юность наших отцов» образ офицера в бурке расширен и приближен к образу Унгерна, а романс на стихотворение Блока «Ветер принес издалека...» выполняет функцию очеловечивания врага и возможности установления между противниками человеческих отношений, которые в романе выполняет вопрос Метелице об оспе, опущенный в фильме. Сделан общий вывод о том, что замысел Фадеева заключался в том, что Унгерн в образе офицера в бурке мог быть узнан читателями. В романе «Разгром» встречается редкая ситуация, когда историческая личность одновременно является и прототипом одного персонажа, и скрытым (неузнанным) действующим лицом в своей исторической ипостаси в образе данного персонажа.

Ключевые слова: А. А. Фадеев; Р. Ф. Унгерн; «Разгром»; гражданская война в России; Л. Н. Толстой; «Война и мир»; прототип; экранизация; А. А. Блок; «Ветер принес издалека...»; Дальний Восток

Для цитирования: Соколов Б. В. Образ барона Унгерна в романе Александра Фадеева «Разгром» // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 1 (19). С. 53-70. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-53>. <https://elibrary.ru/IRRJMN>.

Original article

Baron Ungern's image in Alexander Fadeyev's novel *The Rout*

Boris V. Sokolov

Doctor of philology, candidate of historical sciences, scientific consultant at the publishing house "Veche", Moscow

bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Abstract. The article studies the image of an officer in a black felt cloak in A. A. Fadeyev's novel *The Rout*, and proves that one of the leaders of the counter-revolution in the Far East, Baron R. F. Ungern, is not only the prototype of this character, seen only through the eyes of the Reds, but actually acts in the novel as Baron Ungern, unrecognized by the Red partisans. The author also notes the polemical nature of the scene where the officer in a felt cloak interrogates the partisan Metelitsa in relation to the scene of Pierre Bezukhov's interrogation by Marshal Davout in Leo Tolstoy's novel *War and Peace*. Unlike Tolstoy, Fadeyev did not allow the possibility of humane relations between enemies, so Metelitsa tries to kill the interrogating officer. The article also analyzes how the officer in a felt cloak is shown in two Soviet film adaptations of *The Rout* – in the silent film *The Rout* (1931) and in the film *The Youth of Our Fathers* (1958). In the film *The Youth of Our Fathers*, the image of the officer in a felt cloak is developed and brought closer to that of Ungern, and the romantic song on Blok's poem "The wind brought from afar..." acts as a factor humanizing the enemy and shows a possibility of establishing humane relations between the adversaries, whereas in the novel this role is played by Metelitsa's question about smallpox, which is omitted from the film. A general conclusion is made that Fadeyev's idea lies in the fact that Ungern as an officer in a felt cloak could be recognized by the readers. The novel "The Rout" presents a rare situation when a historical figure is both a prototype of a character and a hidden (unrecognized) character in his historical hypostasis in the image of this character.

Keywords: A. A. Fadeyev; R. F. Ungern; *The Rout*; Russian Civil War; L. N. Tolstoy; *War and Peace*; prototype; screen adaptation; A. A. Blok; "The wind brought from afar..."; the Far East

For citation: Sokolov B. V. Baron Ungern's image in Alexander Fadeyev's novel *The Rout*. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 1(19): 53-70. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-1-19-53>. <https://elibrary.ru/IRRJMN>.

Введение

Роман Александра Фадеева «Разгром» (1926) довольно подробно исследован советским и российским литературоведением. В частности, определены основные прототипы тех персонажей, которые представляют красных. Так, Фадеев

никогда не скрывал, что основным прототипом командира партизанского отряда Иосифа Абрамовича Левинсона послужил командир Особого коммунистического отряда Иосиф Максимович Певзнер. Однако после того, как он был расстрелян в 1938 году по ложному

обвинению в шпионаже и вплоть до его реабилитации в 1956 году об этом не принято было вспоминать [Жуков, 1989, с. 30]. Фадеев описал первую встречу с ним в очерке «Особый коммунистический»: «Я подошел к избе, возле крыльца которой было особенно много народа. Там сидел на ступеньках очень маленького роста, с длинной рыжей бородой, с маузером на бедре, большеглазый и очень спокойный человек и беседовал с крестьянами. Это был командир только что пришедшего на село красного партизанского отряда, действовавшего в районе города Спасска. Впоследствии образ этого командира много дал мне при изображении командира партизанского отряда Левинсона в романе «Разгром» [Фадеев, 1970, т. 4, с. 16]. Но поскольку очерк был впервые опубликован в газете «Лесная промышленность» 24 февраля 1938 года, а Певзнер был арестован 21 февраля 1938 года, имя Певзнера в очерке не было упомянуто [Беляев, 1970, т. 4, с. 474-475; Певзнер]. А героически погибший партизан-разведчик Метелица имел реального прототипа с точно такой же фамилией (или прозвищем). Как вспоминали местные старожилы, этот партизан был повешен (а не застрелен, как в романе) казаками в селе Ракитное (Авченко В. О. «Разгром»: век спустя // Новая газета во Владивостоке, 2013, № 192, 20 июня (<http://novayagazeta-vlad.ru/192/Istoriya/Razgromveksпуст>)). (Дата обращения: 10.02.2024)).

Скорее всего, сцену гибели Метелицы Фадеев полностью придумал, наградив героя-партизана более почетной смертью от пули, а не от петли. Как вспоминала первая жена Фадеева Валерия Герасимова, больше всего соответствовали характеру Фадеева из персонажей романа «Разгром» Левинсон и Метелица [Герасимова, 1989]. Как писал о романе «Разгром» дальневосточный писатель и журналист Василий Авченко, «В этом тексте – масса вторых доньев. Он, конечно, «красный», а не «белый», но он, как всякая хорошая литература, – о жизни в её сложности, а не о том, кто хороший, а кто плохой. Несмотря на наличие реальных прототипов и чётких топографических привязок, «Разгром» куда глубже, чем представляло советское вульгарное литературоведение» (Авченко В. О. *Разгром Фадеева* // Литературная газета, 2013, № 45, 13 ноября (<https://lgz.ru/article/-45-6438-13-11-2013/razgrom-fadeeva/>)). (Дата обращения: 10.02.2024)). Такое «второе дно» фадеевского романа связано с одним из наиболее запоминающихся персонажей – безмянным белоказачьим офицер в черной бурке и черной папахе. Из всех появляющихся в романе белогвардейцев только этот образ оказывается более или менее разработанным, тогда как другие белогвардейцы и японцы играют роли чисто эпизодические. И несмотря на то, что он действует только в двух главах романа из семнадцати, офицер в бурке

несет на себе важную смысловую нагрузку. На первый взгляд, данный персонаж кажется сугубо собирательным образом, не имеющим конкретных прототипов. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что у данного персонажа есть один вполне конкретный реальный прототип, что позволяет по-новому взглянуть на роль и значение этого образа. По мнению петербургского литературоведа И. Н. Сухих, в тексте романа «Разгром» нельзя найти «знаковых имен» [Сухих, 2001, с. 174]. Однако, на наш взгляд, по крайней мере, одно знаковое имя, пусть в скрытом виде, в фадеевском романе присутствует, как и в одной из двух советских экранизациях романа «Разгром», которые мы также рассмотрим в данной статье с точки зрения того, как в них отразился (или не отразился) образ офицера в бурке. Мы попытаемся доказать, что данный образ играет важную роль в поэтике «Разгрома», являясь антагонистом Левинсона. И, вероятно, в случае с офицером в бурке в «Разгроме» мы сталкиваемся с тем редким случаем, когда историческая личность одновременно является прототипом одного из персонажей и, пусть в скрытом виде, является неузнанным действующим лицом романа в качестве данного персонажа в своей исторической ипостаси.

**Тайна офицера в черной бурке:
кого Фадеев скрыл под буркой**

В романе Фадеева интересующему нас персонажу уделено немало внимания в тексте. Впервые

он появляется в сцене, когда партизанский разведчик Метелица, находясь в саду, видит в раскрытое окно играющих в карты офицеров и подслушивает их разговор: «Их было четверо, они играли в карты за столом, в глубине комнаты. По правую руку сидел маленький старый попик в прилизанных волосиках и юркий на глаз, – он ловко сновал по столу худыми, маленькими ручками, неслышно перебирая карты игрушечными пальцами и стараясь заскочить глазами под каждую, так что сосед его, сидевший спиной к Метелице, принимая сдачу, просматривал ее боязно и торопливо и тотчас же прятал под стол. Лицом к Метелице сидел красивый, полный, ленивый и, как видно, добродушный офицер с трубкой в зубах, – должно быть, из-за его полноты Метелица принял его за начальника эскадрона. Однако во все последующее время он, по необъяснимым для себя причинам, интересовался больше четвертым из игравших – с лицом обрюзглым и бледным и с неподвижными ресницами, тот был в черной папахе и в бурке без погон, в которую кутался каждый раз после того, как сбрасывал карту» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 153-155].

С самого начала именно офицер в бурке в первую очередь привлекает внимание Метелицы, несмотря на то, что разведчик ошибочно считает главным среди играющих в карты не его, а другого офицера. Перед нами – традиционная сцена, когда положительный герой под-

слушивает отрицательных героев, замышляющих злодейство. Однако, вопреки ожиданиям, никаких ценных сведений из разговора офицеров между собой и со священником во время игры в тысячу Метелица не получает:

«Вопреки тому, что ожидал услышать Метелица, они говорили о самых обыкновенных и неинтересных вещах: добрая половина разговора вертелась вокруг карт.

– Восемьдесят играю, – сказал сидевший к Метелице спиной.

– Слабо, ваше благородие, слабо, – отозвался тот, что был в черной папахе. – Сто втемную, – добавил он небрежно.

Красивый и полный, прищурившись, проверил свои и, вынув трубку, поднял до ста пяти.

– Я пас, – сказал первый, отворачиваясь к попику, который держал прикуп.

– Я так и думал... – усмехнулась черная папаха.

– Разве я виноват, если карты не идут? – оправдываясь, говорил первый, обращаясь за сочувствием к попику.

– По маленькой, по маленькой, – шутил попик, сожмуриваясь и посмеиваясь мелко-мелко, точно желая подчеркнуть таким мелким смешком всю незначительность игры своего собеседника. – А двести два очка уже списали-с... знаем мы вас!.. – И он с неискренней ласковой хитрецей погрозил пальчиком.

“Вот гнида”, – подумал Метелица.

– Ах, и вы пас? – переспросил попик ленивого офицера. – Пожалуйста прикуп-с, – сказал он черной папахе и, не раскрывая карт, сунул их ей.

В течение минуты они с ожесточением шлепали по столу, пока черная папаха не проиграла. “А задавался, рыбий глаз”, – презрительно подумал Метелица, не зная – уходить ли ему или подождать еще. Но он не смог уйти, потому что проигравший повернулся к окну, и Метелица почувствовал на себе пронзительный взгляд, застывший в страшной немигающей точности» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 155].

Внезапный взгляд офицера в бурке заставляет Метелицу, не смотря на опасность, остаться в саду, и это предопределяет его трагический конец. Далее разговор игроков переходит на женщин, и здесь выясняется отношение офицера в бурке к женщинам:

«Тем временем сидевший спиной к окну начал тасовать карты. Он делал это старательно и экономно, как молятся не очень древние старушки.

– А Нечитайлы нет, – зевая, сказал ленивый. – Как видно, с удачей. Лучше бы и я с ним пошел...

– Вдвоем? – спросила папаха, отвернувшись от окна. – Она бы сдюжила! – добавила она, скривившись» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 153].

В следующий раз мы видим офицера в бурке тогда, когда он

допрашивает схваченного Метелицу, который, наконец, понимает, кто же у казаков начальник: «Через некоторое время он стоял перед знакомым ему человеком – в черной папахе и в бурке – в той самой комнате, в которую засматривал ночью из поповского сада. Тут же, подтянувшись в кресле, удивленно, не строго поглядывая на Метелицу, сидел красивый, полный и добродушный офицер, которого Метелица принял вчера за начальника эскадрона. Теперь, рассмотрев обоих, он по каким-то неуловимым признакам понял, что начальником был как раз не этот добродушный офицер, а другой – в бурке.

– Можете идти, – отрывисто сказал этот другой, взглянув на казаков, остановившихся у дверей.

Они, неловко подталкивая друг друга, выбрались из комнаты.

– Что ты делал вчера в саду? – быстро спросил он, остановившись перед Метелицей и глядя на него своим точным, немигающим взглядом.

Метелица молча, насмешливо уставился на него, выдерживая его взгляд, чуть пошевеливая атласными черными бровями и всем своим видом показывая, что, независимо от того, какие будут задавать ему вопросы и как будут заставлять его отвечать на них, он не скажет ничего такого, что могло бы удовлетворить спрашивающих» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 160-161].

Далее следует неудачная попытка офицера в бурке установить не-

кое подобие человеческих отношений с Метелицей:

«– Ты брось эти глупости, – снова сказал начальник, нисколько не сердясь и не повышая голоса, но таким тоном, который показывал, что он понимает все, что происходит теперь в Метелице.

– Что же говорить зря? – снисходительно улыбнулся взводный.

Начальник эскадрона несколько секунд изучал его застывшее рябое лицо, вымазанное засохшей кровью.

– Оспой давно болел? – спросил он.

– Что? – растерялся взводный. Он растерялся потому, что в вопросе начальника не чувствовалось ни издевательства, ни насмешки, а видно было, что он просто заинтересовался его рябым лицом. Однако, поняв это, Метелица рассердился еще сильнее, чем если бы насмеялись и издевались над ним: вопрос начальника точно пытался установить возможность каких-то человеческих отношений между ними.

– Что ж ты – здешний или прибыл откуда?

– Брось, ваше благородие!.. – решительно и гневно сказал Метелица, сжав кулаки и покраснев и едва сдерживаясь, чтобы не броситься на него. Он хотел еще добавить что-то, но мысль, а почему бы и в самом деле не схватить сейчас этого черного человека с таким противно-спокойным, обрюзглым лицом, в неопрятной рыжеватой щетине и не задушить его, – мысль эта вдруг так ярко овладела им, что он, запнувшись на слове, сделал

шаг вперед, дрогнул руками, и его рябое лицо сразу вспотело» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 160].

Однако офицеру удастся остановить Метелицу и, понимая, что установить человеческую связь с допрашиваемым не удалось, он переходит к угрозам:

«– Ого! – в первый раз изумленно и громко воскликнул этот человек, не отступив, однако, ни шагу назад и не спуская глаз с Метелицы.

Тот в нерешительности остановился, сверкнув зрачками. Тогда человек этот вынул из кобуры револьвер и потряс им перед носом Метелицы. Взводный овладел собой и, отвернувшись к окну, застыл в пренебрежительном молчании. После того, сколько ни грозили ему револьвером, суля самые ужасные кары в будущем, сколько ни упрашивали правдиво рассказать обо всем, обещая полную свободу, – он не произнес ни единого слова, даже ни разу не посмотрел на спрашивающих.

В самом разгаре допроса легонько приоткрылась дверь и чья-то волосатая голова с большими испуганными и глупыми глазами просунулась в комнату.

– Ага, – сказал начальник эскадрона. – Собрались уже? Ну что ж – скажи ребятам, чтобы взяли этого молодца» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 161].

После этого происходит смертельная схватка между Метелицей и офицером в бурке. Разведчик, сам в прошлом пастух, ценой своей жизни спасает от жестокой распра-

вы мальчика-пастушонка, у которого оставил своего коня: «– Сюда, сюда, – сказал начальник эскадрона, указав ему место рядом. Метелица, разом перешагнув ступеньки, стал рядом с ним. <...>

– Кто знает этого человека? – спросил начальник, обводя всех острым, сверлящим взглядом, задерживаясь на секунду то на одном, то на другом лице.

И каждый, на ком останавливался этот взгляд, суетясь и мигая, опускал голову, – только женщины, не имея сил отвести глаза, смотрели на него немо и тупо, с трусливым и жадным любопытством.

– *Никто* не знает? – переспросил начальник, насмешливо подчеркнув слово “никто”, точно ему было известно, что все, наоборот, знают или должны знать “этого человека”. – Это мы сейчас выясним... Нечитайло! – крикнул он, сделав движение рукой в ту сторону, где на кауrom жеребце гарцевал высокий офицер в длинной казачьей шинели. <...>

– Кто наехал? Какая кобура? – спросил начальник, тщетно пытаясь понять, о чем идет речь. Мужик еще растеряней засучил шапкой и, вновь сбиваясь и путаясь, рассказал о том, как его пастух пригнал утром чужого коня – в седле и с револьверной кобурой в сумке.

– Вот оно что, – протянул начальник эскадрона. – Так ведь он не признает? – сказал он, кивнув на парнишку. – Впрочем, давай его сюда – мы его допросим по-своему...

Парнишка, подталкиваемый сзади, приблизился к крыльцу, не решаясь, однако, взойти на него. Офицер сбежал по ступенькам, схватил его за худые, вздрагивающие плечи и, притянув к себе, уставился в его круглые от ужаса глаза своими – пронзительными и страшными...

– А-а... а!.. – вдруг завопил парнишка, закатив белки.

– Да что ж это будет? – вздохнула, не выдержав, какая-то из баб.

В то же мгновение чье-то стремительное и гибкое тело взметнулось с крыльца. Толпа шарахнулась, всплеснув многоруким туловищем, – начальник эскадрона упал, сбитый сильным толчком...

– Стреляйте в него!.. Да что же это такое? – закричал красивый офицер, беспомощно выставив ладонь, теряясь и глупея и забыв, как видно, что он сам умеет стрелять» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 162].

В схватке с Метелицей Фадеев подчеркивает inferнальные черты, присущие офицеру в бурке:

«Несколько верховых ринулись в толпу, конями раскидывая людей. Метелица, навалившись на врага всем телом, старался схватить его за горло, но тот извивался как нетопырь, раскинув бурку, похожую на черные крылья, и судорожно цеплялся рукой за пояс, стараясь вытащить револьвер. Наконец ему удалось отстегнуть кобуру, и почти в то же мгновение, как Метелица схватил его за горло, он выстрелил в него несколько раз подряд... Когда подоспевшие казаки тащили

Метелицу за ноги, он еще цеплялся за траву, скрипел зубами, стараясь поднять голову, но она бессильно падала и волочилась по земле.

– Нечитайло! – кричал красивый офицер. – Собрат эскадрон!.. Вы тоже поедете? – учтиво спросил он начальника, избегая, однако, смотреть на него.

– Да.

– Лошадь командиру!..

Через полчаса казачий эскадрон в полном боевом снаряжении выехал из села и помчался кверху, по той дороге, по которой прошлой ночью ехал Метелица» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 164].

И последний раз офицер в бурке появляется на страницах романа «Разгром» в момент неудачной атаки казачьего эскадрона на отряд Левинсона, когда казаки попадают в партизанскую засаду: «По желтым околышам и лампасам Левинсон узнал, что это были казаки. Он разглядел и командира в черной бурке. <...>

Эскадрон смешался; многие попадали на землю, но красивый офицер остался в седле, лошадь, осякая зубы, пыталась под ним. В течение нескольких секунд растерявшиеся люди и лошади, вздымавшиеся на дыбы, бились на одном месте, крича что-то, неслышное из-за выстрелов. Потом из этой сумятицы вырвался отдельный всадник, в черной папахе и в бурке, и заплясал перед эскадроном, сдерживая лошадь напряженным жестом, размахивая шашкой.

Остальные, как видно, плохо повиновались ему, – некоторые уже мчались прочь, нахлестывая лошадей; весь эскадрон ринулся за ними. Партизаны повскакали с мест, – наиболее азартные побежали вдогонку, стреляя на ходу» [Фадеев, 1969, т. 1, с. 166-168].

Офицер в бурке в романе показан только глазами красных – сначала разведчика и командира взвода Метелицы, а в последней сцене – командира партизанского отряда Левинсона. Из сообщаемых о нем сведений можно понять, что он храбр и обладает определенной харизмой, поскольку даже в безнадежной ситуации пытается бросить в атаку эскадрон, но его подчиненные, попавшие в партизанскую засаду, ему не повинуются. Офицер в бурке не лишен полководческих способностей, так как быстро оценивает полученную информацию и выступает против партизан, рассчитывая захватить их врасплох. Он также – рискованный игрок – спокойно играет в карты «сто в темную» и проигрывает, нисколько не переживая по этому поводу. Его взгляд – пронзительный, точный и немигающий, его мало кто способен выдержать, даже храбрец Метелица. Этот взгляд даже останавливает Метелицу, собравшегося броситься на офицера во время допроса. Глаза у офицера в бурке – пронзительные и страшные. Он очень жесток и при необходимости готов подвергнуть допросу с побоями даже несовершеннолетнего

ребенка («допросим по-своему»), что и провоцирует нападение на него Метелицы. К женщинам офицер в бурке относится с нескрываемым презрением («– Вдвоем? – спросила папаха, отвернувшись от окна. – Она бы сдюжила!»). «По каким-то неуловимым признакам» в нем чувствуется начальник, предводитель, и это ощущается окружающими. Офицер в бурке уподоблен нетопыри (летучей мыши) причем черная бурка напоминает крылья. А нетопыри, как отмечает историк Сергей Зотов, уже в средние века считались порождением темных сил, подручными колдунов и колдуний, а их крылья уподоблялись крыльям дьявола и дракона. Нетопыри также нередко ассоциировались с однополый любовью. Кроме того, нетопыри являются символом в магии и тайных науках, в том числе в алхимии и в астрологии, и ассоциируются с вампиризмом [См.: Зотов, 2021].

Отметим также, что характерные черты портрета офицера в бурке – черная бурка и черная папаха, рыжая щетина, неопрятность, противно-спокойное, обрюзглое лицо.

Всем этим характеристикам и внешним приметам отвечает один из предводителей белых на Дальнем Востоке – командир Азиатской конной дивизии барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг (1885/86-1921), которого современники также называли «черным бароном». Унгерн со своей дивизией базировался в Забайкалье, в районе

станции Даурия, и против красных партизан Уссурийского края, где происходит действие романа «Разгром», никогда не воевал. Но Фадеев вместе с 13-м (22-м) стрелковым полком участвовал в ноябре 1920 года во взятии Даурии, из которой только в августе ушел Унгерн, так что Фадееву и его товарищам пришлось сражаться не с казаками Унгерна, а с каппелевцами [Авченко, 2017, с. 108-109]. Будущий автор романа «Разгром» наверняка многое услышал о легендарном бароне от местных жителей. В частности, писатель и историк Геннадий Михайлович Литвинцев, родившийся в Маньчжурии, приводит воспоминание своего деда-эмигранта, как в Забайкалье во время отступления в Монголию «барон Унгерн в чёрной бурке и белой папахе, на вороном коне, грозит кому-то ташуром» [Литвинцев, 2020]. В Монголии Унгерн предпочитал щеголять в монгольском халате, в котором его, в конце концов, захватили в плен и в котором он предстал перед судом в Новониколаевске (ныне Новосибирск). Но в Забайкалье он носил черную бурку, что отражено, в частности, в художественном фильме бурятского режиссера Бараса Халзанова «Кочующий фронт» (1971), где Унгерн является одним из действующих лиц.

Даже красные противники Унгерна признавали наличие у него военного таланта. По заключению историка Сергея Кузьмина, «Унгерн проявил несомненный талант

полководца» [Кузьмин, 2011, с. 199]. Широко известен также конец Унгерна, против которого восстала его собственная Азиатская дивизия, отступившая в Маньчжурию. Офицеры и казаки не вынесли жестокого отношения барона, который подвергал телесным наказаниям не только по отношению к рядовым, но и к офицерам. Одного же из провинившихся офицеров Унгерн подверг мучительной казни – публично сжег живьем. Эту казнь подробно описал адъютант барона есаул Алексей Макеев [Макеев, 1934]. В результате восстания Азиатской дивизии, в ходе которого были убиты многие приближенные Унгерна, барон вынужден был искать спасения в монгольском дивизионе, но монголы связали его и передали красным. У Фадеева в последней сцене с офицером в бурке казачий эскадрон отказывается слушать его и отступает без приказа.

Фадеев предпочел белую папаху заменить у своего офицера в бурке на черную, что больше соответствовало образу «черного барона». Кроме того, редко встречающаяся белая папаха сама по себе выделялась бы, тогда как писатель хотел сконцентрировать внимание читателей именно на бурке, которую он сравнивает с черными крыльями ворона, дракона или иного inferнального существа.

У Унгерна была рыжая борода и усы, а лицо его выглядело нездоровым. Вот обобщенный портрет барона, нарисованный его биографом

историком Сергеем Кузьминым на основе свидетельств современников: «Внешне он представлял собой тип остзейского немца. Выше среднего роста, худой, с плоской грудью, широкоплечий, прямой, с длинными руками. Голова круглая, небольшая, с высоким лбом, глаза глубоко посаженные, синие, голубые или серые (очевидно, в зависимости от освещения), нос прямой, с небольшой горбинкой на переносице, губы тонкие, бледные, обычно крепко сжатые, подбородок маленький, большие светло-рыжие усы, опущенные книзу, при разговоре несколько выдавались вперед передние зубы. В бытность в Монголии и Сибири он носил короткую рыжеватую бороду. Волосы редкие, слегка курчавые, светло-рыжие» [Кузьмин, 2011, с. 367]. Исследователь отмечает также хладнокровие и храбрость Унгерна [Кузьмин, 2011]. Похожее описание Унгерна дает служивший в Азиатской конной дивизии полковник Михаил Георгиевич Торновский: «Среднего роста, блондин, с длинными, опущенными по углам рта рыжими усами, худой и изможденный с виду, но железного здоровья и энергии, он живет войной» [Торновский, 2004, с. 193]. И тот же Торновский подчеркивал, что «генерал Унгерн был большой враг женщин» [Торновский, 2004, с. 194]. Другой унгерновский офицер, поручик Николай Князев, указывал на «полное равнодушие к элементарным требованиям комфорта» у Унгерна и

подчеркнул, что барон «не чувствовал потребности в опрятной одежде» [Князев, 2004, с. 17]. И он же признавал, что «часто в рассказах и воспоминаниях о нем, барон представляется нам или чудовищем жестокости, или же идеальной фигурой всего Белого движения» [Князев, 2004, с. 24]. Естественно, для Фадеева Унгерн никак не мог быть идеальной фигурой, зато о жестокости барона ходили легенды. Многочисленные факты жестокости Унгерна были подтверждены на процессе над бароном в Новониколаевске 15 сентября 1921 года, с материалами которого, опубликованными в газетах, писатель наверняка был хорошо знаком. Так, в обвинительном заключении, опубликованном в газете «Советская Сибирь», отмечалось, что «при наступлении войсками Унгерна в отношении населения Советской России (в качестве системы покорения) применялись методы поголовного вырезания (вплоть до детей, которые, по заявлению Унгерна, вырезались на тот случай, чтобы не оставлять “хвостов”). В отношении большевиков и “красных” Унгерном применялись все виды пыток: разламывание в мельницах, битье палками по монгольскому способу (мясо отставало от костей и в таком виде человек продолжал жить), сажание на лед, на раскаленную крышу и т. д.» [Ход суда над Р. Ф. Унгерном..., 2004, с. 243]. Обвинителем на процессе был Емельян Ярославский (Миней

Израилевич Губельман), родной брат друга Фадеева Моисея Израилевича Губельмана. В данном случае не имело значения, все ли обвинения против Унгерна, например, в «размалывании в мельницах» соответствовали истине. Фадеев наверняка доверял советскому правосудию и верил, что все о жестокостях Унгерна – правда. Возможно, ему был известен и приказ Унгерна о выступлении в поход против советской Сибири, один из пунктов которого требовал: «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями» [Приказ Унгерна, 1921, с. 171].

Также были широко распространены слухи о нетрадиционной сексуальной ориентации Унгерна. В частности, в мемуарах одного неизвестного офицера Азиатской дивизии подробно описывались гомосексуальные вакханалии барона [См.: Соколов, 2022, с. 402]. В данном в случае важно не то, насколько правдивы эти сведения, а то, что подобного рода слухи были связаны с «черным бароном».

Строго говоря, командиром эскадрона офицера в бурке считает только Метелица, причем лишь потому, что тот является главным среди тех казачьих офицеров, которых видит разведчик. Но при этом этот офицер может быть просто старшим начальником, посетившим эскадрон. Унгерн, даже будучи начальником дивизии, нередко пускался в бой вместе с казачьими сотнями и даже взводами. Тот факт,

что приказ собрать эскадрон отдал не офицер в бурке, а «красивый офицер», и тот же офицер потом почтительно спрашивает, поедет ли офицер в бурке с эскадромом, как раз доказывает, что эскадромом командует именно красивый офицер, а офицер в бурке является по отношению к нему старшим начальником. Странно было бы спрашивать у командира эскадрона, пойдет ли он с эскадромом в бой. Зато если офицер в бурке является командиром полка, бригады или дивизии, то соответствующий вопрос вполне уместен. Ведь командир полка и тем более дивизии вовсе не обязан находиться в рядах эскадрона, и может сам определять свое место во время боевых действий.

Унгерн летом 1919 г. имел чин генерал-майора, пожалованный ему атаманом Забайкальского казачьего войска Григорием Семеновым. Погон офицера в бурке мы не видим, так что он может иметь любой чин, в том числе генеральский. А то обстоятельство, что партизаны и читатели ничего определенного не знают об офицере в бурке, придает этому персонажу элемент таинственности.

Возможно, те современники создания романа «Разгром», которые участвовали в гражданской войне на Дальнем Востоке, опознавали в офицере в бурке Унгерна. Но с годами образ «черного барона» забылся (в трудах советских историков и журналистов «черным бароном» чаще называли не унгерна, а

барона П. Н. Врангеля), и позднейшие читатели уже не видели в офицере в бурке «черного барона».

**Лев Толстой
и Александр Фадеев:
маршал Даву и офицер в бурке**

Сцена допроса Метелицы офицером в бурке откровенно полемична по отношению к сцене допроса Пьера Безухова наполеоновским маршалом Луи Даву, князем Экмюльским, в романе Льва Толстого «Война и мир» (1863-1869). На связь этих двух сцен, в частности, указывает петербургский литературовед И. Н. Сухих. И он же обратил внимание на то, что гибель Метелицы происходит в главе, названной в честь известного рассказа Толстого «Три смерти» (1858) [Сухих, 2001, с. 180-181, 185-186]. В романе Толстого происходит чудесное спасение Пьера: «Даву сидел на конце комнаты над столом с очками на носу. Пьер близко подошел к нему. Даву, не поднимая глаз, видимо справлялся с какою-то бумагой, лежавшею пред ним. Не поднимая же глаз, он тихо спросил: *Qui êtes vous?* [Кто вы такой?]

Пьер молчал от того, что не в силах был выговорить слова. Даву для Пьера не был просто французский генерал; для Пьера Даву был известный своею жестокостью человек. Глядя на холодное лицо Даву, который, как строгий учитель, соглашался до времени иметь терпение и ждать ответа, Пьер чувствовал, что всякая секунда про-

медления могла стоить ему жизни; но он не знал, что сказать. <...>

– *Monseigneur!* [Ваше высочество] – вскрикнул Пьер не обиженным, но умоляющим голосом.

Даву поднял глаза и пристально посмотрел на Пьера. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Оба они в эту одну минуту смутно почувствовали бесчисленное количество вещей и поняли, что они оба дети человечества, что они братья» [Толстой, 1940, т. 12, с. 37-38].

Для Фадеева установить человеческие взаимоотношения с врагом и тем более ощутить себя с ним братьями – дело абсолютно невозможное. Поэтому Метелица с возмущением отвергает попытку офицера вопросом об оспе установить между ними некое подобие человеческих взаимоотношений и готов убить допрашивающего. И, конечно, чтобы параллель и полемика с Толстым была очевидней, было логично сделать допрашивающего Метелицу не просто командиром казачьего эскадрона (в чине не выше есаула), а генералом, да еще титулованным дворянином – бароном. Пьер в романе Толстого обращается к Даву, как к князю, «ваше высочество». К Унгерну же, как к барону, полагалось обращаться «ваша светлость», а как к генерал-майору – «ваше превосходитель-

ство». В романе Фадеева таких обращений нет. Один раз сам офицер в бурке обращается к другому офицера «ваше благородие» (обращение к офицерам в чине подьесаула (штабс-ротмистра, штабс-капитана и ниже), но делает это с явной иронией, из чего можно понять, что он сам носил более высокий чин, чем те, к которым положено обращение «ваше благородие». Впоследствии расстрелянный партизанами мужик, выдавший пастушонка, у которого оставил коня Метелица, тоже обращается к офицеру в бурке «ваше благородие», но из-за бурки он не видит погон и не знает, в каком тот чине.

Таким образом, офицер в бурке уподоблен Даву, а Метелица – Пьеру Безухову, но, в отличие от Пьера, допрос для Метелицы заканчивается трагически.

**Образ офицера в бурке
в советских экранизациях романа
Александра Фадеева «Разгром»**

В советское время роман Александра Фадеева «Разгром» экранизировалась дважды. В 1931 г. немой фильм «Разгром» снял режиссер Николай Береснёв на киностудии «Совкино» в Ленинграде. Сценарий фильма был написан им совместно с писателем Юрием Лаптевым. Картина снималась в условиях нарастания противоречий между СССР и Японией, в сентябре – декабре 1931 г., захвативших Маньчжурию – историческую область Китая, граничившую с Совет-

ским Союзом. Поэтому в фильме, в отличие от романа, основной упор сделан на японцев как главных противников отряда Левинсона (Виктор Яблонский) становятся не казаки, а японцы, при которых казаки играют только вспомогательную роль. И эпизод с гибелью Метелицы (Касим Мухутдинов) представлен в фильме Береснёва совершенно иначе, чем у Фадеева. Метелица отправляется из отряда в разведку пешком, а не на коне. Он не подслушивает в саду разговор офицеров через окно, а встречает на мосту казачий патруль и прыгает в воду, а казаки стреляют в него. Метелица убивает двух казаков, но его, в свою очередь, убивает из револьвера вдруг появившийся на мосту офицер (Борис Феодосьев). Но этот офицер – без бурки и вообще не казак, а принадлежит к действующему в фильме Береснёва, но не в романе, сводному добровольческому офицерскому полку. Очевидно, режиссеру сцена допроса Метелицы и полемика с «Войной и миром» не требовались. Поэтому данная сцена, как и рукопашная схватка Метелицы с офицером, в фильме 1931 года были опущены.

Вторая экранизация романа «Разгром» была осуществлена в 1958 году Михаилом Каликом и Борисом Рыцаревым на киностудии имени М. Горького под названием «Юность наших отцов». Сценарий картины написали М. Н. Калик, Б. В. Рыцарев и Идея Алеевская. Эпизоды с офицером в черной бурке

и черной папахе (Николай Граббе) представлены в «Юности наших отцов» достаточно подробно. В ту сцену, где Метелица подслушивает разговор играющих в карты офицеров, введен отсутствующий в романе офицер с гитарой (Геннадий Карякин), исполняющий романс на стихи А. А. Блока «Ветер принес издалека...» (1901) (музыка Микаэла Таривердиева):

Ветер принес издалека
Песни весенней намек,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалека
Звучные песни твои.

[Блок, 1997, т. 1, с. 49]

С помощью этого романса режиссеры стремились передать человечность врагов, с одним из которых оказались связаны сугубо положительные мотивы света, любви и приближающейся весны, которая сменит грустную зиму. Романс как бы заменил в фильме эпизод допроса офицером в бурке Метелицы (Геннадий Юхтин) с «человечным» вопросом насчет оспы, поскольку в картине Калика и Рыцарева сцена допроса отсутствует. Зато роль офицера в бурке расширена. В фи-

нале фильма именно он возглавляет казаков, которые сначала загоняют отряд Левинсона (Александр Кутепов) в болото, а потом практически полностью уничтожают партизан. В этой атаке офицер в бурке очень напоминает Чапаева из одноименного фильма 1934 года братьев Васильевых (Георгия и Сергея Васильевых). Казачий же пулемет, расстреливающий людей Левинсона, напоминает такой же пулемет, расстреливающий Чапаева в реке Урал в фильме «Чапаев».

Возможно, Калик и Рыцарев догадались, что прототипом офицера в бурке у Фадеева послужил барон Унгерн, и потому передали эту роль Н. К. Граббе, актеру немецкого происхождения. В то же время в фильме немецкое происхождение офицера в бурке никак не подчеркивается. Но, как и в романе, бурка скрывает его погоны, и ни разу не называется его чин.

Заключение

Образ барона Унгерна в романе Александра Фадеева «Разгром» отражен в образе офицера в черной бурке – главного антагониста партизанского командира Левинсона. Унгерн выступает не только как неузнанный Метелицей и Левинсоном предводитель белоказачьих сил, хотя красные партизаны принимают его всего лишь за командира эскадрона, но и как воплощение вселенского зла. Неузнанный Унгерн в романе убивает любимца всех партизан Метелицу и чуть не

убивает мальчика-пастушка. А в экранизации романа «Разгром», осуществленной в 1958 году Каликом и Рыцаревым под названием «Юность наших отцов», офицер в бурке действительно превращается в финале в предводителя всех тех сил, которые стремятся уничтожить отряд Левинсона. Это сближает его с маршалом Даву, с чьим допросом Пьера Безухова в «Войне и мире» полемизирует Фадеев в сцене допроса офицером в бурке Метелицы. Замысел автора романа «Разгром» заключался в том, чтобы восприятие этого персонажа Метелицей и Левинсоном в качестве командира эскадрона, каковым он в действительности не является, было непол-

ным и частично искаженным, чтобы читатели, особенно знакомые с реалиями гражданской войны на Дальнем Востоке, могли сами домысливать образ таинственного офицера, и для такого домысливания в тексте имеются определенные намеки. Также вполне естественно, что ни Метелица, ни Левинсон не знают барона в лицо и не могут опознать в нем генерала, так как его погоны, да и мундир скрыты буркой. Унгерн в качестве не просто прототипа одного из персонажей, но и действующего лица романа Фадеева, делает «Разгром» более глубоким произведением, чем оно кажется на первый взгляд, и усложняет его поэтику.

Библиографический список

1. Авченко В. О. Фадеев. Москва : Молодая гвардия, 2017. 365 с.
2. Беляев Б. Л. Примечания // Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 тт. / под ред. Е. Ф. Книшпович, В. М. Озерова, Б. Н. Полевого, С. Н. Преображенского. Т. 4. Москва : Художественная литература, 1970. С. 473-484.
3. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 тт. Т. 1. Кн. 1 / под ред. Ю. К. Герасимова. Москва : Наука, 1997. 640 с.
4. Герасимова В. А. Беглые записи. Публикация А. Шаргуновой // Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 108-149.
5. Жуков И. И. Фадеев. Москва : Молодая гвардия, 1989. 333 с.
6. Зотов С. Фамильяр ведьм, атрибут святых, воплощение смерти и гомосексуальности: культурная история летучей мыши // Нож, 2021, 12 февраля. URL: <https://knife.media/bat/>. (Дата обращения: 10.02.2024).
7. Князев Н. Н. Легендарный барон // Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны / сост. С. Л. Кузьмина. Москва : КМК, 2004. С. 12-167.
8. Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. Москва : КМК, 2011. 659 с.
9. Литвинцев Г. М. На обратной стороне Земли. Повествование в эпизодах // Байкал, Иркутск, 2020, № 5, сентябрь – октябрь. URL: <https://burunen.ru/news/culture/74052-gennadiy-litvintsev-na-obratnoy-storone-zemli-povestvovanie-v-epizodakh/?ysclid=lsatr4h98i408022394>. (Дата обращения: 10.02.2024).
10. Макеев А. С. Бог войны – барон Унгерна. Воспоминания бывшего адъютанта Начальника Азиатской Конной Дивизии. Шанхай : Книгоиздательство А. П. Малык и В. П. Камнина, 1934. 143 с.

11. Певзнер Иосиф Максимович 1893–1938 // Списки расстрелянных. Спецобъект «Коммунарка». URL: [https://memory-kommunarka.ru/person/3062/Певзнер Иосиф Максимович](https://memory-kommunarka.ru/person/3062/Певзнер_Иосиф_Максимович). (Дата обращения: 10.02.2024).
12. Приказ Р. Ф. Унгерн № 15 о наступлении на Сибирь. 21 мая 1921 года // Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. С. Л. Кузьмина. Москва : КМК, 2004. С. 169-173.
13. Соколов Б. В. Барон Унгерн и гражданская война на Востоке. Москва : Вече, 2022. 448 с.
14. Сухих И. Н. Книги XX века: русский канон: Эссе. Москва : Независимая Газета, 2001. 352 с.
15. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Т. 12 / под ред. В. Черткова. Москва : Художественная литература, 1940. 426 с.
16. Торновский М. Г. События в Монголии-Халхе в 1920-1921 годах. Военно-исторический очерк (Воспоминания) // Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны / сост. С. Л. Кузьмина. Москва : КМК, 2004. С. 168-323.
17. Фадеев А. А. Особый коммунистический // Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 тт. / под ред. Е. Ф. Книппович, В. М. Озерова, Б. Н. Полевого, С. Н. Преображенского. Т. 4. Москва : Художественная литература, 1970. С. 15-24.
18. Фадеев А. А. Разгром // Фадеев А. А. Собрание сочинений: в 7 тт. / под ред. Е. Ф. Книппович, В. М. Озерова, Б. Н. Полевого, С. Н. Преображенского. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1969. С. 45-193.
19. Ход суда над Р. Ф. Унгерном в Новониколаевске 15 сентября 1921 г. // Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. С. Л. Кузьмина. Москва : КМК, 2004. С. 242-263.

Reference list

1. Avchenko V. O. Fadeev = Fadeyev. Moskva : Molodaja gvardija, 2017. 365 s.
2. Beljaev B. L. Primechanija = Comments // Fadeev A. A. Sobraenie sochinenij: v 7 tt. / pod red. E. F. Knippovich, V. M. Ozerova, B. N. Polevogo, S. N. Preobrazhenskogo. T. 4. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1970. S. 473-484.
3. Blok A. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 tt. T. 1. Kn. 1 = Complete collection of works and letters: in 20 vols. V. 1. Book 1 / pod red. Ju. K. Gerasimova. Moskva : Nauka, 1997. 640 s.
4. Gerasimova V. A. Beglye zapisi. Publikacija A. Shargunovoj = Brief notes. Publication by A. Shargunova // Voprosy literatury. 1989. № 6. S. 108-149.
5. Zhukov I. I. Fadeev = Fadeyev. Moskva : Molodaja gvardija, 1989. 333 s.
6. Zotov S. Famil'jar ved'm, atribut svjatyh, voploshhenie smerti i gomoseksual'nosti: kul'turnaja istorija letucej myshi = Familiar of witches, attribute of saints, embodiment of death and homosexuality: a cultural history of the bat // Nozh, 2021, 12 fevralja. URL: <https://knife.media/bat/>. (Data obrashhenija: 10.02.2024).
7. Knjazev N. N. Legendarnyj baron = Legendary baron // Legendarnyj baron: neizvestnye stranicy grazhdanskoj vojny / sost. S. L. Kuz'mina. Moskva : KMK, 2004. S. 12-167.
8. Kuz'min S. L. Istorija barona Ungerna: opyt rekonstrukcii = Baron Ungern's story: reconstruction experience. Moskva : KMK, 2011. 659 s.

9. Litvincev G. M. Na obratnoj storone Zemli. Povestvovanie v jepizodah = On the other side of the Earth. Narrative in episodes // Bajkal, Irkutsk, 2020, № 5, sentjabr' – oktjabr'. URL: <https://burunen.ru/news/culture/74052-gennadiy-litvintsev-na-obratnoy-storone-zemli-povestvovanie-v-epizodakh/?ysclid=lsatr4h98i408022394>. (Data obrashhenija: 10.02.2024).

10. Makeev A. S. Bog vojny – baron Ungerna. Vospominanija byvshego ad#jutanta Nachal'nika Aziatskoj Konnoj Divizii = Baron Ungern, the God of war. Memories of a former adjutant of the Asian Cavalry Division Commander. Shanhaj : Knigoizdatel'stvo A. P. Malyk i V. P. Kamnina, 1934. 143 s.

11. Pevzner Iosif Maksimovich 1893–1938 = Pevzner Iosif Maksimovich 1893-1938 // Spiski rasstreljannyh. Specob#ekt «Kommunarka». URL: https://memory-kommunarka.ru/person/3062/Pevzner_Iosif_Maksimovich. (Data obrashhenija: 10.02.2024).

12. Prikaz R. F. Ungerna № 15 o nastuplenii na Sibir'. 21 maja 1921 goda = Order by R. F. Ungern No. 15 on the attack on Siberia. May 21, 1921 // Baron Ungern v dokumentah i memuarah / sost. S. L. Kuz'mina. Moskva : KMK, 2004. S. 169-173.

13. Sokolov B. V. Baron Ungern i grazhdanskaja vojna na Vostoke = Baron Ungern and the Civil War in the East. Moskva : Veche, 2022. 448 s.

14. Suhij I. N. Knigi XX veka: russkij kanon: Jesse = XX century books: the Russian canon: Essay. Moskva : Nezavisimaja Gazeta, 2001. 352 s.

15. Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij: v 90 tt. = Complete collection of works: in 90 vols. T. 12. / pod red. V. Chertkova. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1940. 426 s.

16. Tornovskij M. G. Sobytija v Mongolii-Halhe v 1920-1921 godah. Voenno-istoricheskij ocherk (Vospominanija) = Events in Mongolia-Khalkha in 1920-1921. Military historical sketch (Memoirs) // Legendarnyj baron: neizvestnye stranicy grazhdanskoj vojny / sost. S. L. Kuz'mina. Moskva : KMK, 2004. S. 168-323.

17. Fadeev A. A. Osobyj kommunisticheskij = Special communist // Fadeev A. A. Sobranie sochinenij: v 7 tt. / pod red. E. F. Knippovich, V. M. Ozerova, B. N. Polevogo, S. N. Preobrazhenskogo. T. 4. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1970. S. 15-24.

18. Fadeev A. A. Razgrom = The Rout // Fadeev A. A. Sobranie sochinenij: v 7 tt. / pod red. E. F. Knippovich, V. M. Ozerova, B. N. Polevogo, S. N. Preobrazhenskogo. T. 1. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1969. S. 45-193.

19. Hod suda nad R. F. Ungernom v Novonikolaevske 15 sentjabrja 1921 g. = The trial of R. F. Ungern in Novonikolayevsk on September 15, 1921 // Baron Ungern v dokumentah i memuarah / sost. S. L. Kuz'mina. Moskva : KMK, 2004. S. 242-263.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted on 10.01.2024; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication on 28.02.2024